

Свет как номинация Христа в Парафразе Нонна

Нонн из Панополиса в своей Парафразе Евангелия от Иоанна воплотил основные культурные тенденции поздней античности. Прежде всего, он воспроизводит поэтическими средствами не «жизнь» и даже не некий культурный нарратив ($\mu\upsilon\theta\omicron\varsigma$), как это было у трагиков, но конкретный текст. Он создает поэтический пересказ, причем пересказ комментирующий, что крайне характерно для поздней античности — эпохи, когда комментарий становится одним из ведущих жанров как языческой, так и христианской литературы.

Второй, не менее важный фактор, определивший жанровую природу Парафразы, свойственная античности и усиливающаяся в эту эпоху связь поэзии с риторикой. Вообще парафраза — одно из популярных риторических упражнений, использовавшихся в школьной практике. Уже Цицерон рассказывает в *De oratore* о своем опыте переложения с латинского на латинский. Согласно LSJ, глагол $\text{para}\phi\rho\acute{\alpha}\zeta\omega$ значит “say the same thing in other words, paraphrase”, т. е. сказать то же самое другими словами. В нашей статье мы сконцентрируемся на различиях между исходным и итоговым текстами, на тех местах, где поэт говорит *не то же самое*, — точках смыслового сдвига. Для этого мы прибегнем к параллельному анализу Евангелия и Парафразы.

Система номинаций Христа — очень чувствительный к изменениям структурный элемент текста, т. к. чуть ли не важнейший вопрос Евангелия — тот, который задавали друг другу ученики в Мк 4.41: «Кто же Сей?» В каждом Евангелии предлагается множество ответов, и номинации Христа содержат их в свернутом виде. Вопрос этот, ставший темой долгих философских дискуссий, оставался актуальным и во времена Нонна. В рамках настоящей статьи мы рассмотрим из огромной палитры номинаций Христа всего несколько контекстов, в которых Он назван Светом.

«Синтетическое» использование номинаций

В Евангелии от Иоанна номинация «Свет» употребляется очень ограниченно — только в речи самого Иисуса и знаменитом Прологе, где речь идет о вневременном бытии Логоса и Его воплощении. Свет — одна из трех метафорических номинаций, референтами которых является второе Лицо Троицы. Целиком этот список метафорических номинаций выглядит так:

- a. λόγος, Слово Божье,
- b. υἱὸς τοῦ θεοῦ,
- c. φῶς (Свет от Света в Символе веры, Сияние (ἀπαύγασμα) славы Отчей в Евр 1:3).

Нонн последовательно сталкивает эти три метафорических кода. В первых строчках поэмы мы читаем (здесь и далее цитаты из Парафразы по изданию Шайндлера [Nonnus Panopolitanus 1881]):

ἄχρονος ἦν ἀκίχητος ἐν ἀρρήτῳ λόγος ἀρχῇ
ἰσοφυῆς γενετῆρος ὁμήλικος υἱὸς ἀμήτωρ

Вневременное, неуловимое Слово было в неизреченном начале —
равноприродный безматерный Сын равновозрастного Отца.

К номинации λόγος прибавляется близкая к ней, но относящаяся к другому метафорическому коду, — υἱός.

Вместо евангельского ἦν τὸ φῶς τὸ ἀληθινόν, ὃς φωτίζει πάντα ἄνθρωπον, ἐρχόμενον εἰς τὸν κόσμον (Ин 1:9), мы читаем:

καὶ γὰρ ἐοῦ μετὰ πατρός ἐπήτυμον ἀρχέγονον φῶς
μονογενῆς λόγος ἦεν, ὃς ἀνέρα πάντα καθαίρει,
πνευματικᾶς ἀκτίσι καταυγάζων φύσιν ἀνδρῶν
ἐρχομένων ἐπὶ γαῖαν.

(Par. 1.25–27)

Ведь истинным изначальным Светом у Отца Своего
был единородный Логос, Который очищает всякого человека,
озаряя духовными лучами природу людей, приходящих в мир.

В этом пассаже три метафоры свободно подменяют друг друга. Эта стратегия как бы подсказана самим евангельским текстом, в котором мы видели, между прочим, и такую фразу: καὶ ὁ λόγος σὰρξ ἐγένετο καὶ ἐσκήνωσεν ἐν ἡμῖν, καὶ ἐθεασάμεθα τὴν δόξαν αὐτοῦ, δόξαν ὡς μονογενοῦς παρὰ πατρός. Эпитет «единородный», появившийся в рамках богословской метафоры «Отец—Сын», относится здесь еще не прямо к слову λόγος, как делает Нонн, но зависит грамматически от указывающего на него местоимения.

Нонн к номинации «Свет» добавляет μονογενῆς λόγος, соединяя воедино три ключевые христологические метафоры. Какова же цель такого странного соединения?

Все три основные христологические метафоры описывают небесное в земных терминах. Propter «сущий в недре Отчем» Логос не является ни светом (т. к. невидимый Бог не есть солнце), ни сыном (т. к. не было момента, когда был Отец, но еще не было Сына), ни словом (т. к. недоступный никакому разуму Бог не есть разум). Omnis comparatio claudicat — это правило оказывается особенно актуальным, когда мы пытаемся говорить о трансцендентном Боге. Поэт ощущает ограниченность и несовершенство богословских метафор, однако, будучи совмещены, дополняя и отрицая друг друга, они возвышаются до уровня логической формулы, описывающей отношения обусловленности без хронологического предшествования Рождающего. Эту идею, содержащуюся у Нонна в Par. 1.25–27 и в эпитетах ἄχρονος и ὁμήλιξ высказывает, например, Иоанн Златоуст, комментируя Ин 1:1:

Ἄλλ' ὁμῶς καὶ ἐξ αὐτοῦ ὄν τοῦ ἡλίου ἀπαύγασμα, οὐκ ἂν ποτε ὑστερον εἶναι φαίημεν τῆς ἡλιακῆς φύσεως, ἐπειδὴ μηδὲ χωρὶς ἀπαύγασματος ἥλιος ἐφάνη ποτέ.

(In Ioannem hom. IV.2)

Но, хотя сияние и происходит от солнца, никто не стал бы говорить, что оно [существует] позже солнечной природы, поскольку и солнце никогда не являлось без сияния.

Экзегету, чтобы ввести это рассуждение, нужна цитата из послания к евреям о «Сиянии славы Отчей». Синонимичность метафорических кодов не приводит здесь к их смешению. Но у Нонна экзегетический аппарат становится материалом для плетения словес и соединения образов, надобность в логических скрепах пропадает

Но этим эффект, производимый сталкиванием номинаций и метафорических кодов, не ограничивается. Сергей Сергеевич Аверинцев в «Поэтике ранневизантийской литературы» пишет об особом нонновском способе пользоваться словами: «Поэт в изобилии нагнетает синонимы, однако не для того, чтобы внести смысловые нюансы, подобрать слово, которое между всеми словами попадало бы в точку. Слово у Нонна никогда не попадает в точку; не в этом его задание. Совершенно приравненные

друг к другу синонимы выстраиваются как бы по периферии круга, чтобы стоять вокруг „неизрекаемого“ центра» [Аверинцев 1997: 143].

Также крайне удачна проводимая Аверинцевым [Аверинцев 1997: 145] параллель с особым многословным стилем Псевдо-Ареопагита, наиболее адекватно выражающим его апофатическое богословие. (В. С. Лурье настаивает на генетическом, а не типологическом характере этой связи [Лурье 2012: 335–336]. Нам же кажется, что подобное недоверие к слову вообще свойственно эпохе, т. е. не обязательно прямое влияние Парафразы на автора Ареопагитик. Речь может идти об общих философских корнях того и другого).

Создается впечатление, что Нонн специально всякий раз использует две или более номинации или метафоры, чтобы слушатель не мог сконцентрироваться на одной из них и не мог отдать ей предпочтения, отбросив хотя бы на время другие. В Прологе, наиболее значимой с христологической точки зрения части, эффект усиливают эпитеты — либо отрицательные (ἄχρως, ἀκίχητος, ἐν ἀρρήτῳ ἀρχῇ), либо парадоксальные (πατήρ ὁμήλιξ [υἱῶ], Сын и Отец одного возраста), либо и то, и другое вместе (υἱὸς ἀμήτωρ). Такая именовательная стратегия действительно очень похожа на многословие и обилие отрицаний, которое мы видим в Ареопагитиках: ὑπερούσιος οὐσία καὶ οὐὸς ἀνόητος καὶ λόγος ἄρρητος, ἀλογία καὶ ἀνοησία καὶ ἀνωσυμία, κατὰ μηδὲν τῶν ὄντων οὐσα καὶ αἴτιον μὲν τοῦ εἶναι πᾶσιν, αὐτὸ δὲ μὴ ὄν ὡς πάσης οὐσίας ἐπέκεινα (De div. nom. 1.1)¹.

У Нонна точно так же Христос-Логос оказывается непостижимым и неуловимым (ἀκίχητος). Именно «пестрый», изменчивый стиль Парафразы, с ее одновременно дополняющими и отрицающими друг друга номинациями и эпитетами, оказывается словесным выражением бессилия человеческого ума, который не может постичь тайны боговоплощения, тайны божественного Логоса — и одновременно должен изо всех сил стараться это сделать.

¹ Сверхсущественная сущность; Ум непомыслимый; Слово неизрекаемое; Бессловесность, Непомыслимость и Безымянность, сущая иным, нежели все сущее, образом; Причина всеобщего бытия, Сама не сущая, ибо пребывающая за пределом всякой сущности... (перевод Г. М. Прохорова [Дионисий Ареопагит 1995: с. 17]).

Христос как Свет в эпизоде ночной беседы с Никодимом

За пределами Пролога номинация «Свет» неожиданно возникает в эпизоде беседы с Никодимом в качестве идентифицирующей:

...ἀμάρτυρος οὗτος ὀδίτης
Χριστῶ νυκτὸς ἵκανε φυλασσομένῳ ποδὶ βαίνων.
ἔννυχος εἰς δόμον ἦλθεν, ὅπῃ φάος, ἀνδρὶ δὲ πιστῶ
Ἰησοῦς ἐνέπων βαπτίσματος ἐνθεον αἴγλην,
νυκτοφανῇ Νικόδημον ἐφ' φαιδρύνατο μύθῳ

(Par. 3.3–7).

...сей путник, никем не узанный,
пришел ко Христу ночью, ступая осторожной ногой.
В ночи пришел он в дом, в котором был Свет.
Иисус же, вещая исполненному веры мужу
о божественном сиянии крещения,
просветил/омыл Своим словом появившегося в ночи Никодима.

Такое изобилие слов с семантикой света и тьмы объясняется тем, что поэт (не он первый) установил связь между содержанием ночной беседы (Свет, пришедший в мир, — одна из её тем) и тем обстоятельством, что Никодим из страха приходит к Иисусу ночью. Эпитет Никодима νυκτοφανής, по замечанию польского исследователя Ф. Дорошевского, обычно характеризует Луну [Doroszewski 2014: 130], в то время как δς <...> αἰθέρα ναίει (определение Сына Человеческого в следующей за этими стихами беседе) может указывать не только на Зевса (напр., в II. 2.412), но и на отождествляемого с Гелиосом египетского бога Анхоя, характеризующегося так в сохранившемся на дверях храма в Фаюме гимне к Исиде некоего Исидора:

καὶ Ἀγχόης ὁ σὸς υἱός, δς οὐρανοῦ αἰθέρα ναίει
ἦλιος ἀντέλλων ἐσθ', δς ἔδειξε τὸ φῶς.
(Isidori hymni in Isim, 2.13–14)

И твой сын Анхой, который живет в небесном эфире —
это восходящее солнце, явившее свет.

В самой беседе к крещальной метафорике «рождения» от воды и Духа последовательно прибавляется метафорика «просвещения». Словосочетание ὅπῃ φάος отражает πρὸς τὸ φῶς в стихе 20: «Всякий, творящий истину, идет к свету». Поэт создает новые образные и смысловые связи между ночной беседой и ее повествовательной рамкой: Никодим предстаёт примером праведного человека, преодолевающего страх и стремящегося от тьмы

к свету, попутно приобретая черты Луны, освещаемой Солнцем-Христом.

Смена риторической установки

Примечательно, что «Свет» в этом контексте является, как мы сказали, идентифицирующей номинацией Христа и появляется в устах повествователя, что было бы совершенно невозможно у евангелиста, который четко разделяет номинации, относящиеся к Логосу и к Иисусу как действующему лицу Евангелия. Другие персонажи могут называть Христа как угодно, но рассказчик — только Иисусом. Это связано с особым репортерским стилем Евангелий, предполагающим строгую объективность и документальность. Евангелист — беспристрастный историк (по крайней мере, на время рассказа). В Прологе Евангелия от Иоанна говорится очень осторожно, что «Слово стало плотью и обитало среди нас», но не говорится, что это Иисус из Назарета — воплотившийся божественный Логос. У Иоанна, как и у Матфея и Марка, в первой главе Иисус всё же называется Христом: ἡ χάρις καὶ ἡ ἀλήθεια διὰ Ἰησοῦ Χριστοῦ ἐγένετο (1.17; ср. Мф 1.16–17, Мк 1.1). Но исходный тезис (Иисус из Назарета есть Христос и Сын Божий) должен быть доказан. Дальнейший текст, т. е. вся нарративная часть Евангелия, строится как развернутое доказательство с привлечением разных свидетельств (в первую очередь — многочисленных свидетельств самого Иисуса о Себе: Его прямая речь составляет около 30% всего текста). Затем, почти в самом конце Евангелия (20.31), автор говорит, зачем оно было написано: ἵνα πιστεύσητε ὅτι Ἰησοῦς ἐστὶν ὁ Χριστὸς ὁ υἱὸς τοῦ Θεοῦ, καὶ ἵνα πιστεύοντες ζωὴν ἔχητε ἐν τῷ ὀνόματι αὐτοῦ. Между тезисом, сформулированным в Прологе, и его конечным его повторением — только строгая объективность и почти никаких оценочных суждений. У Нонна же риторическая установка с самого начала другая. Евангелие для него — не реплика в споре об истине, а истина, запрятанная в тексте. Истину из священного текста надо извлечь правильным толкованием, и этот экзегетический пафос одушевляет поэзию Нонна.

Выводы

Итак, рассмотрев употребление слова «Свет» как номинации Христа, мы можем сделать следующие выводы:

- устанавливаются связи между номинациями и контекстом (например, предметом беседы Христа с Никодимов), номинации «зарифмовываются» с описываемой ситуацией;
- три основные христологические метафоры последовательно совмещаются, нейтрализуя друг друга и дополняя до логической формулы отношения Христа к Богу-Отцу;
- предыдущая особенность поддерживает общую «косвенность» всего художественного высказывания: слова значат не то, что они значат, они сочетаются контрастно и парадоксально. Вместе со сменой риторической установки с доказательной на иллюстративно-экзегетическую это делает христианский эпос Нонна глубоко неклассическим, в каком-то смысле «средневековым» и «византийским».

Библиография

- Аверинцев С. С. 1997: Поэтика ранневизантийской литературы. М.
Дионисий Ареопagit 1995: О божественных именах, О мистическом богословии. СПб.
Лурье В. М. 2002: Время поэтов, или Praeparationes Areopagiticae // Нонн из Хмима. Деяния Иисуса / Отв. ред. Д. А. Поспелов. М. С. 295–337.
Doroszewski F. 2014: Commenting with Hexameter. The Imagery of Light and Darkness in Nonnus' Poetic Exegesis of John 3:1–21. // Glossae, Scholia, Commentarii. Studies on Commenting Texts in Antiquity and Middle Ages / Edd. M. Mejer, K. Jazdzewska, A. Zajchowska. Frankfurt am Main. P. 127–136
Nonnus Panopolitanus 1881: Paraphrasis S. Evangelii Joannei / ed. Scheindler A. Leipzig.

Список сокращений

- LSJ — Liddell-Scott-Jones Greek-English Lexicon
Мф — Евангелие от Матфея
Мк — Евангелие от Марка
Ин — Евангелие от Иоанна
Евр — Послание к евреям

Петр Сергеевич Озерский, студент I курса магистратуры классического отделения филфака МГУ (IV курса бакалавриата на момент выступления). E-mail: ozerskij@gmail.com.

Ключевые слова: поздняя античность, Нонн Панополитанский, парафраза, ранневизантийская литература.

Key words: late antiquity, Nonnus of Panopolis, paraphrase, early Byzantine literature.

Аннотация. В статье рассматриваются контексты из нонновской парафразы Евангелия от Иоанна, в которых поэт называет Христа Светом. Использование номинации «Свет» рассматривается в контексте знаменитого Пролога о предвечном бытии и воплощении Логоса, где она соседствует с двумя другими христологическими метафорами. Выводы касаются поэтики Нонна и общей риторической перестройки, которой Нонн подвергает пересказываемый текст.

The article deals with the verses of Nonnus' Paraphrase, in which Christ is referred to as Light. The usage of this name is analyzed side by side with two other Christological metaphors found in the Prologue to John's Gospel. The conclusions concern such issues as Nonnus' poetics in general and the way he changes the rhetorical intention and structure of John's Gospel.